

DOI: 10.12731/2070-7568-2025-14-2-292
УДК 351

EDN: XKMWZK

Научная статья | Государственное и муниципальное управление

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕТСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ: РИСКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А.К. Полянина

Аннотация

Скачок в развитии информационных технологий привел к небывалому росту возможностей вовлечения детей в преступные сообщества и в террористическую деятельность. Процесс вербовки несовершеннолетних для реализации террористических актов представляется последовательностью актуализации определенных факторов риска. При этом социальная эффективность государственного управления в области противодействия терроризму может рассматриваться как показатель уровня благополучия населения. Аналитика процессов государственного управления в данном случае требует целостного подхода, основанного на учете всех факторов, содействующих вербовке детей террористами.

Возможность вовлечения детей в террористическую деятельность рассматривается в качестве риска, который выступает объектом государственного управления. На основе авторской концепции предлагается рискологический подход к анализу возможностей государственного управления рисками вовлечения детей в преступную деятельность, а также к классификации факторов рискового поведения.

Цель – поиск путей повышения социальной эффективности государственного управления в области противодействия терроризму через разработку рискологического подхода к управлению рисками вовлечения детей в террористическую деятельность.

Метод и методология проведения работы. В качестве основного метода использовался абстрактно-логический, также применялись статистические методы анализа.

Результаты. Разработаны теоретические подходы к методике управления рисками вовлечения детей в террористическую деятельность, сформулированы основные векторы управленческого воздействия.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы акторами государственной власти при оценке рисков терроризма, их прогнозировании и профилактике.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; противодействие терроризму; детская преступность; вербовка детей; киберпреступность; информационная безопасность детей

Для цитирования. Полянина, А. К. (2025). Государственное управление в области противодействия детскому терроризму: рискологический подход. *Наука Краснояря: экономический журнал*, 14(2), 65–79. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2025-14-2-292>

Original article | State and Municipal Administration

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF COUNTERING CHILD TERRORISM: A RISK-BASED APPROACH

A.K. Polyagina

Abstract

The leap in the development of information technology has led to an unprecedented increase in the opportunities for children to be involved in criminal communities and terrorist activities. The process of recruiting minors to carry out terrorist acts appears to be a sequence of actualization of certain risk factors. The social effectiveness of public administration in the field of countering terrorism can be considered as an indicator of the well-being of the population. The analysis of public administration processes in this case requires a holistic approach based on taking into account all the factors that facilitate or ensure the recruitment of children by terrorists. The possibility of involving children in terrorist activities is considered as a risk that is the object of public administration, or more precisely, minimization. Based on the author's concept, a risk-based approach is proposed to explore the possibilities of state risk management for involving children in criminal activities, as well as a classification of risk behavior factors.

Purpose. The search for ways to increase the social effectiveness of public administration in the field of countering terrorism through the development of a risk-based approach to managing the risks of involving children in terrorist activities.

Methodology: abstract logic was used as the main method, statistical analysis methods were also used.

Results: theoretical approaches to the risk management methodology of involving children in terrorist activities have been developed, and the main vectors of managerial influence have been formulated.

Practical implications. The results obtained can be used by the government in assessing the risks of terrorism, forecasting and preventing risks.

Keywords: terrorism; extremism; countering terrorism; recruitment of children by criminals; juvenile delinquency; cybercrime; information safety of children

For citation. Polyanina, A. K. (2025). Public administration in the field of countering child terrorism: A risk-based approach. *Krasnoyarsk Science: Economic Journal*, 14(2), 65–79. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2025-14-2-292>

Нормативное определение терроризма дается в законодательстве и относит его идеологическим феноменам, к некоей совокупности идей, убеждений и взглядов, объясняющих действительность, и так или иначе оформленных в систему. Особенность террористической идеологии заключается в особых способах достижения целей, а именно в использовании насилия как априорно оправданного целью. Само насилие, его формы и средства при этом не подвергаются рефлексии со стороны адептов данной идеологии. Исследователи называют терроризм особой тактикой, применяемой в случае асимметричности военных потенциалов противников и слабости одной из сторон противоборства, которая и использует данную тактику. В качестве вариантов вербовки используется или привитие убеждений, способствующих сотрудничеству с террористами, или создание системы стимулов [14]. Отдельными авторами отмечается взаимосвязь понятий «экстремизм» и «терроризм», терроризм представляется следующим после экстремизма этапом преступной деятельности (экстремизм «запускает» терроризм) [11].

Рост технологических возможностей современных коммуникаций создает новую реальность, которая предлагает преступным сообществам небывалые ресурсы для вербовки последователей. Глобальный общепланетарный сдвиг в сторону техногенной и даже посттехногенной цивилизации, названный цифровым поворотом или шире - большим антропологическим переходом, колоссально увеличил градус противостояния в информационных войнах. Сегодня вовлечение новых членов в террористическую деятельность технологиче-

ски обеспечивается неподконтрольностью цифровых коммуникаций. Особую опасность несут риски вербовки детей и подростков через разнообразные платформы виртуальной коммуникации [4].

По данным МВД России число преступлений террористического характера в 2024 году оказалось почти в три раза больше, чем в 2023 году (410 терактов). В апреле 2025 г. главой Национального анти-террористического комитета было сообщено о предотвращении с начала 2025 года 47 преступлений террористической направленности, большинство из которых осуществлялись с участием подростков.

Проблема вербовки детей террористами носит глобальный характер. Исследователи отмечают «необходимость имплементации международно-правовых норм антитеррористического характера в национальное законодательство с целью активизации межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом» [14]. Поскольку принципами государственного управления в области противодействия терроризму в частности значатся приоритет мер предупреждения терроризма и «сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму» (п.9 ст.2 ФЗ N 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму») поиск и разработка способов минимизации, прогнозирования и предотвращения рисков вовлечения детей в террористическую деятельность относится к задачам государственного управления, а результаты управления в данной области демонстрируют уровень социальной эффективности по обеспечению благополучия всего населения в связи с отмечаемыми исследователями значимыми изменениями в качестве жизни населения после катастрофических террористических атак [17].

Технологию вербовки детей террористами можно рассмотреть с точки зрения предлагаемого нами рискологического подхода, согласно которому риск индуцируется поведением субъекта, то есть имеет субъективную природу и сосредоточен в поведенческом ракурсе. В.И. Зубков называет риском целенаправленное поведение субъекта в условиях неопределенности результата этого поведения при осуществлении выбора [5]. Поэтому управление в области противодействия детскому терроризму предполагает «действие соци-

альных институтов, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков» [5, с. 187]. Н. Луман связывает риски с осознанием вовлеченного субъекта или субъекта, принимающего управленческое решение, результата рискового поведения как бедствия [16]. Поскольку последствия риска вербовки детей террористами претерпевает всё общество этот риск является социальным риском.

Риск являет собой вероятность наступления негативных последствий в результате определенного поведения (рискового поведения) [19]. С точки зрения рискологического подхода управление рисками вербовки детей террористами означает выявление возможного поведения субъектов принятия рисковых решений и факторов такого поведения. Сами факторы рискового поведения можно разделить на мотивы и условия реализации данных мотивов. В связи с тем, что данные риски предполагают два вида возможных последствий (вербовка детей (жертв вербовки) и реальность террористического акта), выделяются две группы субъектов рискового поведения: террористы-вербовщики и дети, осуществляющие теракт. Факторами рискового поведения каждой из двух групп, таким образом, выступают: 1) мотивы террористов-вербовщиков и условия реализации этих мотивов; 2) мотивы детей-жертв вербовки и условия реализации этих мотивов.

Особенно следует отметить, что мотивы детей являют собой условия реализации мотивов террористов-вербовщиков. Рисковое поведение проявляется на одном из четырех этапов информационно-коммуникационного процесса: 1) создании контента, сообщения, 2) распространении информации, 3) доступа к информации; 4) потребления информации. На первых двух этапах проявляется рисковое поведение террористов-вербовщиков, а на этапе доступа и потребления информации - рисковое поведение детей-жертв вербовки. Поэтому минимизация, превенция и прогнозирование риска, возможны на этих этапах коммуникации и в соответствии с особенностями каждого этапа.

Классификацию факторов риска можно представить следующим образом:

А. Мотивы террористов-вербовщиков всецело определяются стремлением причинить вред сильнейшему противнику и привлечь

для этого наибольшее число сторонников. Данный фактор выпадает из сферы управленческого воздействия и представляет угрозу национальной безопасности в чистом виде.

Б. Условия реализации мотивов террористов-вербовщиков определяются при рассмотрении особенностей этапов коммуникативной сети. Если само создание контента или сообщения, направленного на вовлечение детей в террористическую деятельность, выпадает из поля управления, то его распространение нуждается в технологическом обеспечении в виде деятельности множества лиц, участвующих в информационном обмене (фиксации, хранении и трансляции информации), например, владельца сайта, провайдера хостинга, оператора информационной системы. Поэтому условия реализации террористического мотива заключены в деятельности названных лиц, например, при эксплуатации информационной системы и обработке информации, определении порядка использования сайта в сети «Интернет», порядка размещения информации на таком сайте; предоставлении вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет» (п.9, п.12, п.17, п.18 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Управление этой деятельностью возможно через установление требований к форме и содержанию контента, его трансляции и модерации.

В. Мотивы детей-жертв вербовки представляют собой множество побуждающих сил, которые проистекают из потребностной сферы и непосредственно связаны с физиологическими и психическими особенностями взросления. Мотивация подростков выражена кризисными состояниями, развивающимся характером психических процессов детей. Это сложнейшая область исследования. Среди мотивов, используемых террористами-вербовщиками для вовлечения подростков в террористическую деятельность, выделяются мотивы получения материальных и нематериальных выгод, а также так называемые негативные мотивы - избегание боли, наказания, смерти, страха.

Благодатной почвой для формирования намерения вступить в террористические сообщества можно назвать особые экзистенциальные

интенции подростка, стремление к открытию смысла жизни и смерти, своего предназначения. В психологии совокупность экзистенциальных интенций входит в состав Я-концепции. Экзистенциальная составляющая Я-концепции подростка содержит рефлексивные переживания, «представления о собственной жизни и отношении к ней как к единому смысловому пространству, осознание своего места на этом пространстве в настоящем, прошедшем и будущем, потребность в активной реализации собственного будущего» [11, с. 130]. С точки зрения Э.Эриксона, это движение к собственной идентичности, самовосприятию своей личности [12]. Подростки четко разделяют образы себя как ребенка и как «уже не ребенка». «Многие ребята не обращаются к своему прошлому, настоящее для них более интересно» [11, с. 132]. В целях профилактики рискованного поведения через психологические службы представляется эффективным погружение подростка в его «детскую мечту» и в будущее, как перспективу и горизонт своей жизни, иначе говоря, дистанцирование от ситуации, признание и принятие своей внутренней свободы, своего достоинства [8].

Тематика смерти культивируется в подростковой среде «не как мера жизни, а как антипод страданию, как побег от неопределённости и неподлинности» [6, с. 80]. При этом чем более табуирована тема смерти, тем «больше риска мифологизации и идеализации смерти наряду с обесцениванием жизни» [6, с. 80]. Потребность в «подлинности» своего существования, в «ощущении себя и другого живыми, настоящими, не фиктивно-формальными» [6, с. 81], проблематика смысла жизни стимулирует кризис подросткового возраста, как и возможность фрустрации, которая часто выражается в бунте и противостоянии. Развитие фрустрации экзистенциальных интенций, углубление личностных противоречий может привести к девальвации ценности своей жизни и жизни других людей. Причиной фрустрации экзистенции может стать деформация детско-родительских отношений, переживание одиночества, покинутости, отчуждения. Это же «запускает» чрезмерную жажду любви, готовность добиваться ее любой ценой, ценить минимальные проявления заинтересованности в себе другого человека.

Террористы-вербовщики спекулируют на уязвимости подростков, используют как негативные, так позитивные мотивы, предлагают разные формы осуществления экзистенциальных интенций, например, через проявление «героизма», отстаивание гражданской позиции, занятие «настоящим делом» или «мужской крутой работой».

Технические возможности позволяют с лёгкостью анализировать психологический портрет подростка в социальных сетях и выявлять его болевые точки, а также степень активности как выражение силы экзистенциальных интенций и/или фрустрации потребностей. На основе этих данных планируется вербовка. Активно используются игровые технологии через предложение простых заданий или небольших услуг, за выполнение которых выплачиваются деньги.

Г. Условия реализации мотивов детей-жертв вербовки тесно связаны с технологическими возможностями современной коммуникации, а также денежными транзакциями. Кроме того, потенциал информационно-коммуникативного пространства позволяет с наименьшими усилиями и без внешнего контроля реализовывать мотивы самовыражения. Анонимность и отсутствие требований к предварительной и обязательной идентификации собеседника исключает ответственность. Действительно, «формирование особого знаково-символического универсума, порождающего потоки смыслов» погружает в состояние экзистенциального стресса, в состояние, «подпитываемое дофамином обратной связи», требует принятия решения в условиях информационного избытка [1, с. 379]. «Радикальный плюрализм» современного мира, его разнообразие и множественность, размывание временных и пространственных границ между разнородными по своей природе элементами [10, с. 8] само по себе способствует неустойчивости эмоционально-волевой сферы. «Виртуальное решительно берет вверх над актуальным» [2, с. 331], а баланс отношений между актуальной и виртуальной реальностью рухнет по мере прогрессирующего киберпогружения и углубления виртуализации [9, с. 452]. Как точно отмечает С. Хоружий «безотчетный образ актуальной полноты самореализации и самовыражения, преподносимый сознанию как искомая цель, ведет

к возникновению острых эмоций надрыва и фрустрации, находящих выход или в парадигме «Бунта» или в парадигме «Карнавала»». Виртуализация общения означает утрату связности, систематичности и полноты убеждений, снятие контроля и самоконтроля, снижение фокусированности внимания, быстроты и точности реакции, ведет к распаду этических оснований и нравственных барьеров, общей деэтизации за счет анонимности. Виртуализация социальной жизни предполагает имитацию и манипуляцию мнением, когда у человека появляется особая виртуальная маска, которая отделяется от самого человека, «и он может сделать её своего рода сточной ямой для своих нечистот» [9, с. 452]. В связи с исключительными экзистенциальными потребностями подростки с удовольствием пользуются такой маской. Виртуальные возможности коммуникации, разнообразные виртуальные маски создают условия для беззатратной и безответственной демонстрации «героизма», даже если это противоречит нормам закона и морали.

Таким образом, управленческие возможности заключается в воздействия на факторы рискованного поведения как детей-жертв вербовки, так и вербовщиков-террористов. В случае экзистенциальных мотивов подростков необходима психодиагностическая и психотерапевтическая работа, а в отношении материальных мотивов (получение денежного вознаграждения за осуществление терактов) - регламентация и контроль над платежными системами. Например, имеет значение установление на законодательном уровне порядка согласования денежных переводов детям от неизвестных источников с родителями и лицами их заменяющими, разработка механизма запроса согласия родителей на любое поступление денежных средств на счет ребенка, в том числе платежей внутри видеоигры.

Повышение эффективности профилактики негативных психологических состояний детей требует интенсификации работы различных служб профилактики. В этой связи представляется целесообразным увеличение аппарата социально-психологических служб в школах с одновременным увеличением их полномочий, что может потребовать изменения законодательства, а именно исключение не-

обходимости получения предварительного согласия родителей на психологическое обследование детей и соответствующее изменение нормативных положений (п. 3 ст.42 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Контроль коммуникаций детей в цифровом пространстве предполагает технические меры, например, создание так называемых, детских сим-карт и выделение детских зон в социальных сетях с особыми требованиями к идентификации пользователей, просмотру профиля ребенка и просмотру профилей других лиц самим ребёнком, получения сообщения от неизвестных аккаунтов.

Установления единых требований к платежным системам, включая транзакции внутри видеоигр, а также контроль за поступлением (зачислением) денежных средств на счета детей являет собой с точки зрения предлагаемого рискологического подхода управление материальными мотивами детей-жертв вербовки. На сегодняшний день в соответствии с Гражданским кодексом РФ согласие на получение денежных средств от третьих лиц предполагается выраженным, если договором банковского вклада не предусмотрено иное. Требуется разработка специального типового договора по вкладам, открытым на ребенка.

Государственное управление в области противодействия детскому терроризму в соответствии с обозначенным рискологическим подходом означает воздействие на те факторы рискового поведения, которые поддаются влиянию со стороны государственно-правовых мер. Прогнозирование, превенция и минимизация риска вовлечения детей в террористическую деятельность означает использование мер воздействия на мотивы и условия реализации мотивов всех субъектов риска, как основных – террористов-вербовщиков и детей-жертв вербовки, так и неосновных - участников информационного обмена, провайдеров, владельцев сайтов, операторов платежных систем, родителей, образовательных организаций и т.п. Использование рискологического подхода в системе государственного управления в области противодействия терроризму и вовлечению детей в террористическую деятельность способствует определению точных

объектов управленческого воздействия, а именно условий и факторов рискового поведения. Это содействует повышению социальной эффективности государственного управления в целом, открывает новую оптику старых рисков.

Список литературы

1. Авдашкин, А. А., Бредихин, С. С., & Гафнер, Н. А. (2023). *Информационная война в цифровом медианпространстве*. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. 364 с. ISBN: 978-5-696-05415-5 EDN: <https://elibrary.ru/KDKULD>
2. Бодрийяр, Ж. (2016). *Дух терроризма. Войны в заливе не было*. Москва: РИПОЛ классик. 222 с.
3. Буданов, В. Г. (2021). О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, (6), 260–269. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-260-269> EDN: <https://elibrary.ru/EZILNX>
4. Воронин, В. Н. (2024). Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, (4), 188–200. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.188-200> EDN: <https://elibrary.ru/HRTCMC>
5. Зубков, В. И. (2003). *Социологическая теория риска*. Москва: Изд-во РУДН. 230 с. ISBN: 5-209-01567-X EDN: <https://elibrary.ru/QOCDSB>
6. Карпунькина, Т. Н., & Алафи́ровская, Н. В. (2005). Социотерапевтическое пространство в образовании. *Вестник Томского государственного университета*, (286), 76–83. EDN: <https://elibrary.ru/KCLEST>
7. Попова, Т. А. (2021). Экзистенциальная составляющая Я-концепции подростка: теория и практика исследования. В кн.: *Психология смысла жизни: школа В. Э. Чудновского* (2-е изд., с. 473–488). Москва: Смысл.
8. Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс. 368 с. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: <https://elibrary.ru/YQCMMA>

9. Хоружий, С. С. (2016). *Социум и синергия: колонизация интерфейса*. Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева (ИЭУП). 452 с.
10. Шаповалов, В. Ф. (2010). Коммуникация как глобальная проблема современного мира. *Философия и общество*, (4), 5–20. EDN: <https://elibrary.ru/NCSMDV>
11. Шлыкова, Ю. Б. (2009). Субъективная картина жизненного пути подростков. В кн.: *Психология человека в современном мире: В 6 т. Материалы Всерос. юбилейной науч. конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.)* (т. 1, с. 326–333). Москва: ИП РАН.
12. Эрикссон, Э. Г. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Флинта. 341 с. ISBN: 5-89349-860-7 EDN: <https://elibrary.ru/QXPMCL>
13. Baisagatova, D. B., Smagulova, D. A., Kozhamberdiyeva, A. S., & Kermelbekov, S. T. (2016). Correlation of concepts “extremism” and “terrorism” in countering the financing of terrorism and extremism. *International Journal of Environmental and Science Education*, (13), 5903–5915. EDN: <https://elibrary.ru/XLGYTV>
14. Balgimbekova, G., Zhamiyeva, R., & Serikbayev, A. (2021). International legal aspects of countering environmental terrorism in the context of modern trends in radical environmentalism. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. <https://doi.org/10.1007/s10784-021-09556-1> EDN: <https://elibrary.ru/RKFFVAN>
15. Borichev, K., Radchenko, T. V., Moiseeva, A., & Chasovnikova, O. (2022). Countering international terrorism: Problems of criminal-legal qualification. *Journal of Law and Sustainable Development*, (1), 0224. <https://doi.org/10.37497/sdgs.v10i1.224> EDN: <https://elibrary.ru/HEOJJQ>
16. Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. New York: Walter de Gruyter, Inc. 236 p.
17. Munger, M. (2006). Preference modification vs. incentive manipulation as tools of terrorist recruitment: The role of culture. *Public Choice*, (1), 131–146. <https://doi.org/10.1007/s11127-006-9048-6> EDN: <https://elibrary.ru/SBGAJQ>

18. Sherrieb, K. (2013). Public health consequences of terrorism on maternal-child health in New York City and Madrid. *Journal of Urban Health*, (3), 369–387. <https://doi.org/10.1007/s11524-012-9769-4> EDN: <https://elibrary.ru/JTHTBY>
19. Zinn, J. O. (2023). Risk-taking and social inequality. *Journal of Sociology*, 60(3), 144078332311628. <https://doi.org/10.1177/14407833231162865> EDN: <https://elibrary.ru/GFTJMU>

References

1. Avdashkin, A. A., Bredikhin, S. S., & Gafner, N. A. (2023). *Information Warfare in Digital Media Space*. Chelyabinsk: South Ural State University. 364 p. ISBN: 978-5-696-05415-5 EDN: <https://elibrary.ru/KDKULD>
2. Baudrillard, J. (2016). *The Spirit of Terrorism. There Was No Gulf War*. Moscow: RIPOI Classic. 222 p.
3. Budanov, V. G. (2021). Possibility of integral ethics of the great anthropological transition. *Izvestia of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, (6), 260–269. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-260-269> EDN: <https://elibrary.ru/EZILNX>
4. Voronin, V. N. (2024). The notion of “criminal legal risk” in sociology of criminal law: theoretical reasoning. *Bulletin of Kutafin Moscow State Law University*, (4), 188–200. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.188-200> EDN: <https://elibrary.ru/HRTCMC>
5. Zubkov, V. I. (2003). *Sociological Risk Theory*. Moscow: RUDN University Publishing House. 230 p. ISBN: 5-209-01567-X EDN: <https://elibrary.ru/QOCDSB>
6. Karpunkina, T. N., & Alafirovskaya, N. V. (2005). Sociotherapeutic space in education. *Tomsk State University Bulletin*, (286), 76–83. EDN: <https://elibrary.ru/KCLEST>
7. Popova, T. A. (2021). Existential component of teenager’s self-concept: theory and research practice. In *Psychology of Meaningful Living: Viktor E. Chudnovsky’s School* (2nd ed., pp. 473–488). Moscow: Sense.
8. Frankl, V. (1990). *Man’s Search for Meaning*. Moscow: Progress. 368 p. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: <https://elibrary.ru/YQCMMA>

9. Khoruzhy, S. S. (2016). *Society and Synergy: Colonization of Interface*. Kazan: Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEPU). 452 p.
10. Shapovalov, V. F. (2010). Communication as a global challenge of the modern world. *Philosophy and Society*, (4), 5–20. EDN: <https://elibrary.ru/NCSMDV>
11. Shlykova, Yu. B. (2009). Subjective picture of the life path of adolescents. In *Psychology of Man in the Modern World: In 6 vols. Proceedings of the All-Russian anniversary scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S. L. Rubinstein* (October 15–16, 2009, Moscow) (vol. 1, pp. 326–333). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
12. Erikson, E. H. (2006). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Flinta. 341 p. ISBN: 5-89349-860-7 EDN: <https://elibrary.ru/QXPMCL>
13. Baisagatova, D. B., Smagulova, D. A., Kozhamberdiyeva, A. S., & Kemelbekov, S. T. (2016). Correlation of concepts “extremism” and “terrorism” in combating the financing of terrorism and extremism. *International Journal of Environmental and Science Education*, (13), 5903–5915. EDN: <https://elibrary.ru/XLGYTV>
14. Balgimbekova, G., Zhamiyeva, R., & Serikbayev, A. (2021). International legal aspects of countering environmental terrorism in the context of modern trends in radical environmentalism. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. <https://doi.org/10.1007/s10784-021-09556-1> EDN: <https://elibrary.ru/RKFFVAN>
15. Borichev, K., Radchenko, T. V., Moiseeva, A., & Chasovnikova, O. (2022). Countering international terrorism: Problems of criminal-law qualification. *Journal of Law and Sustainable Development*, (1), 0224. <https://doi.org/10.37497/sdgs.v10i1.224> EDN: <https://elibrary.ru/HEOJJQ>
16. Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. New York: Walter de Gruyter, Inc. 236 p.
17. Munger, M. (2006). Preference modification versus incentive manipulation as tools of terrorist recruitment: The role of culture. *Public Choice*, (1), 131–146. <https://doi.org/10.1007/s11127-006-9048-6> EDN: <https://elibrary.ru/SBGAIQ>

18. Sherrieb, K. (2013). Public health consequences of terrorism on maternal-child health in New York City and Madrid. *Journal of Urban Health*, (3), 369–387. <https://doi.org/10.1007/s11524-012-9769-4> EDN: <https://elibrary.ru/JTHTBY>
19. Zinn, J. O. (2023). Risk-taking and social inequality. *Journal of Sociology*, 60(3), 144078332311628. <https://doi.org/10.1177/14407833231162865> EDN: <https://elibrary.ru/GFTJMU>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Полянина Алла Керимовна, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, доктор социологических наук; доцент *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*; *Приволжский государственный университет путей сообщения*
пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603087, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603087, Российская Федерация
Alker@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alla K. Polyanina, Professor of the Department of Management and Public Administration, Doctor of Sociological Sciences; Associate Professor
Lobachevsky University; *Volga State University of Railway Transport*
23, Gagarin Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603087, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Square, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603087, Russian Federation
Alker@yandex.ru
SPIN-code: 4324-4300
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2035-9849>

Поступила 09.06.2025

После рецензирования 25.06.2025

Принята 28.06.2025

Received 09.06.2025

Revised 25.06.2025

Accepted 28.06.2025